

ТАЙГА-4

Книга первая:

Хищник

О. Ветров

18+

Олег Ветров

ТАЙГА-4, кн. 1 Хищник

<https://litres.ru/73946384>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она вышла из колонии в минус тридцать два. В рюкзаке — пять имён. В голове — двадцать способов убить.

Её напарника похитили три года назад. Прострелили колени, загрузили в чёрный фургон и увезли в тайгу. Туда, где китайские триады ставят опыты над людьми. Где детей держат в клетках, а взрослых превращают в зомби с имплантами в черепе.

Яна Белкина выжила в Шаолине. Выжила в подпольных боях Макао. Выжила в колонии, где каждый день мог стать последним. Теперь она идёт в Вершинный — заброшенную базу в предгорьях Саян.

С ней — врач-алкоголик, у которого триада держит за горло дочь. Молодой оперативник, ещё не нюхавший настоящей войны. Старый охотник, которому терять нечего.

Против неё — армия без лиц и без жалости. Чжао Шэн, старый лис с золотыми зубами. И Лин — его дочь, чей ум страшнее любого автомата.

У неё нет бронежилета. Нет приказа. Нет веры в чудо.

Она обещала вернуться.

Тайга ждёт. Хищник вышел на тропу.

Три года ада. Одна ночь мести. Ноль шансов на счастливый
конец.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Олег Ветров

ТАЙГА-4, кн. 1 Хищник

Глава

Тайга-4

Книга первая: Хищник

Глава 1. Холод

Поезд «Владивосток — Москва» тащил по четвёртому пути Новосибирска-Главного тяжёлый состав в три часа ночи. Декабрь выдался такой, что синоптики в обеденных сводках перестали шутить — просто называли цифры, и люди вздыхали. На уличном термометре у вокзала — минус тридцать два. Ветер с Оби, набравшись силы на сотне километров открытого льда, добавил от себя ещё десятку: с ветром было под сорок. Воздух замерзал на лету, ледяная взвесь хрустела на зубах, резала глаза.

Из десятого вагона вышла девушка в старом армейском бушлате. Рост — метр шестьдесят два с половиной, хотя в документах всегда приписывали шестьдесят три — какая-то бумажная жалость. Короткая стрижка, тёмные волосы, острые скулы. На левом запястье — шрам: слишком широкий, рваный, с неровными краями, похожий на заживший укус крупного зверя. Уходил под рукав, в бледную кожу с сеткой

мелких белых полосок — старых порезов, о которых она никогда не говорила.

Правой рукой поправила лямку рюкзака — мизинец на этой руке не разгибался до конца, застыл под углом, как сложенная спица. Старый перелом сросся неправильно. В Шаолине не было хирургов, потом стало поздно.

Рюкзак висел на одном плече — старый, драный, застёжка на полосе изоленты, промасленной и задубевшей на морозе. При каждом шаге внутри что-то глухо стучало: не банки, не оружие, а что-то бесформенное и тяжёлое, что она не вынимала уже три года. Тяжесть привычная. Как та шаркающая походка — левое колено чуть подворачивалось, и каждый шаг будто в гору.

Она не пошла к выходу в город, как остальные — те топорливо разбредались по маршруткам, натягивали капюшоны, матерясь сквозь пар. Не полезла в такси. Поднялась по обледенелой лестнице в зал ожидания. Ступеньки из плитняка скрипели протяжно, жалобно, по-зимнему.

Считать шаги. Всегда считать шаги. Один — левая, два — правая. Иначе мысли разбегутся.

Внутри пахло кипятком из титана, дешёвым табаком, мочой в углах. Из-за бабушек с вёдрами мандаринов тянуло цитрусом — сезон. Высокие потолки с облупившейся штукатуркой, грязные окна, военные с чемоданами, мужики в телогрейках, прижимающие синие полиэтиленовые пакеты. Она села на деревянную скамью у дальней стены — ту, что

никто не выбирал из-за сквозняка из сорванной форточки.

Достала из кармана сложенный вчетверо листок. Бумага истрепалась до дыр, чернила выцвели до бледно-синего. Пять имён: Чжао Шэн, Чжао Лин, Ван Цзяньго, Лю Хай, Сунь Вэй. Три мужских, два женских. Все — граждане КНР с видом на жительство в России. Легально — сотрудники логистической компании «ВостокТранс». Нелегально — главные фигуранты дела, за которое Яна села на три года. За человека, которого не убивала. За напарника, которому прострелили колени.

Саша. Я найду их. Я заставлю их говорить.

Провела пальцем по имени Чжао Шэн — чернила почти стёрлись, бумага стала гладкой и жирной на ощупь. Убрала листок. Встала — правое колено хрустнуло, как несмазанная петля. Сустав горел — тупо, ныло. Три года без нормальной нагрузки, с уколами диклофенака по расписанию и утренней зарядкой в три квадрата бетонного пола не прошли даром. В колонии она поддерживала форму как могла, но суставная сумка растянулась, связки ослабли. Каждый шаг — лотерея.

Она вспомнила карцер — бетонный мешок без окон. Стояла босиком на цементе, пальцы чернели от холода, а надзиратель с дубинкой ждал, когда сдастся. Она не сдалась. Считала секунды. Дышала через раз. Выжила.

Никогда больше. И сдержала слово.

У турникетов дежурили двое полицейских. Молодой сержант с жидкими усиками оглядел мельком и потерял инте-

рес. Старший, капитан с усталыми, испытанными глазами, задержал взгляд дольше. Скользнул по шраму, по её спокойным глазам — без дежурного испуга, который бывает у случайных прохожих при виде полиции. Капитан чуть нахмурился. Потом в его глазах мелькнуло узнавание. Он её вспомнил. По ориентировке? По старому делу? Но ничего не сказал. Отвернулся.

Правильно. Спокойствие важнее любопытства.

Она вышла на привокзальную площадь. Мороз обжёг щёки — будто лицом об наждак. Ресницы слиплись от инея, мир превратился в мутный искрящийся полумрак. Вдох — холод встал поперёк горла.

Считать до десяти. Вдох на четыре, задержка на два, выдох на четыре. Шаолиньский способ сбить дрожь.

Бар «Стыковка» прятался в подвале привокзальной гостиницы. Половина неоновой вывески перегорела, от названия осталось «Ст...овка» — зелёные буквы тускло мерцали, мигали. Ступеньки обледенели, на них песок с солью — серая каша хрустела под подошвами. На третьей ступеньке чуть не поскользнулась, удержалась за перила — холодный металл обжёг ладонь даже через перчатку.

Внутри пахло кислым пивом, дешёвыми сигаретами, жжёным сахаром — кто-то на кухне жёг карамель, — и сыростью, въевшейся в бетон. За стойкой монотонно гудел холодильник — от этого гула пол слегка вибрировал.

За стойкой скучал бармен в грязной рубашке навывпуск.

Полировал один и тот же бокал тряпкой — механически, бездумно. На указательном пальце правой руки свежий ожог. Круглый, неровный, будто от зажигалки. Левой держал бокал, а правую держал под стойкой — будто прятал. Или держался за что-то. Или привык так сидеть, когда опасно.

За тремя столиками — посетители. Двое грузчиков в оранжевых жилетах, пили пиво у телевизора, прикрученного к потолку ржавыми хомутами. Ещё двое — командировочные в одинаковых синих костюмах, уставшие, молчаливые, с одинаковыми портфелями-«крокодилами». И один — в углу.

Тощий мужик лет тридцати пяти. Щетина — не модная небритость, а запущенная грязь. Глаза воспалённые, веки красные — как у человека, который забыл, что такое нормальный сон. Поверх застиранного медицинского халата — болоньевая куртка с оторванным воротником. На груди халата следы засохшей крови — чужой, старых пятен несколько, не отстирываются. Перед ним наполовину пустая бутылка водки — «Хаски», самая дешёвая. Тарелка с нетронутой закуской: чёрствый хлеб и солёные огурцы в лужице рассола.

Пил отчаянно: большими глотками, запрокидывая голову. Не закусывая. Рука дрожала — не от холода, алкогольный тремор. На запястье — старый шов, неровный, как после полевого хирурга, который торопится.

Яна села напротив. Без стука, без «можно». Поставила рюкзак на пол, придвинула стул. Положила руки на стол ла-

донями вверх — открыто для него, но наготове для любого, кто мог появиться со спины.

Мужик поднял глаза — мутные, с трудом фокусируются. Зрачки долго шарили по её лицу, пока не нащупали что-то знакомое.

— Занято, — выдавил заплетающимся языком.

— Уже нет. Ты Кротов?

Зрачки сузились. Рука дрогнула, стакан качнулся.

— Ну, допустим. — Качнулся всем телом, удержался на локте. — А ты кто?

Помолчала секунду. В тишине — бармен всё трёт свой бокал.

— Ты помнишь парня с простреленными коленями? — сказала наконец. — Три года назад, Тайшет. Тебя вызвали на склад.

Кротов замер. Стакан застыл в воздухе.

— Рана тяжёлая. Огнестрел, пуля застряла в суставной сумке. Ты сказал санитарам: «Если вовремя не прооперируют, будет хромой на всю жизнь». Запомнил?

Поставил стакан. Рука больше не дрожала.

— Потом его перевели в другую больницу. Ночью, без твоего ведома. А ты звонил, спрашивал. Тебе сказали: «Забудь».

— Откуда... — Кротов сглотнул. Горло дёрнулось.

— Я его напарница. Яна Белкина. Досье на тебя собрали ещё в колонии, по старым оперативным сводкам. Твоя под-

пись на договоре с «ВостокТрансом», график платежей, переводы. Всё есть. Знаю про Катю, про интернат, про пансионат. И про то, что перевезли её две недели назад — мне передали фото, когда я выходила. В колонии есть люди, которые могут проверить.

Кровь отлила от лица — мгновенно, без переходов. Лицо, изъеденное старыми угрями, стало землистым, шрамы проступили резче. Он выпрямился — движения резкие, почти трезвые. Адреналин ударил — Кротов протрезвел мгновенно. Глаза забегали — к выходу, к грузчикам, к бармену.

— Я не знаю, о чём ты, — слишком быстро. — Ты обо-
зналась. Я никого не помню.

— Перестань, Кротов. — Яна не повысила голоса. — Я не из полиции, не из прокуратуры, не из ФСБ. И не из триады. Просто хочу задать несколько вопросов. Ответишь — уйду. Нет — я всё равно не уйду, но тогда разговор будет другой.

Он опустил взгляд на руки. Пальцы сжимали край столешницы — побелели суставы.

— У меня дочь, — прошептал едва слышно сквозь гул телевизора и лязг посуды. — Они знают, где она живёт. Если скажу хоть слово...

— Поэтому ты здесь. — Яна кивнула на бутылку. — Ты не пьёшь от радости. Каждый вечер пытаешься отключиться, чтобы не думать, как они придут за тобой. Или за ней. Сколько должен?

Кротов дёрнулся — будто от удара. Глаза расширились.

— Откуда... — эхом.

— Ты лечил их бойцов после налётов. Сначала платили наличными. Потом попросил аванс — сорок тысяч на операцию дочери. Они переписали аванс как долг. Сначала восемь процентов в месяц, потом накрутили пени за каждый просроченный день, пересчитали курс по-своему. Сейчас должен триста двадцать. Я не ошиблась?

Молчал. В телевизоре забили гол — грузчики заорали, звякнули кружками. Бармен даже не повернул головы. Кро- тов уставился в столешницу.

— Триста двадцать, — выдавил. — Тысяч долларов. Каждый месяц снова капает. Я уже отдал больше ста, но тело долга не уменьшается. Они каждый раз находят новый повод — штраф, комиссию, пересчёт.

— Сколько было нужно?

— Сорок. — Выдохнул как приговор. — Операция дочери. Порок сердца. Нашли хирурга в Новосибирске, он брался, но деньги нужны сразу. — Провёл рукой по лицу. — Занял у них, потому что в больнице сказали — или сейчас, или никогда. Ей четыре года было. Кате.

При имени дочери голос изменился — выше, тоньше.

— Операцию сделали?

— Сделали. Катя жива. — Усмехнулся — страшно, криво. — Живёт в интернате в Иркутске. Потому что я не могу за ней ухаживать — вечно на подхвате, вечно должен. А они знают, где интернат. Класс. Имя воспитательницы.

— И теперь держат тебя не за горло. За сердце.

Кротов не ответил. Взял бутылку, налил остатки водки в стакан — рука дрожала, половина мимо.

Яна ждала.

Через минуту он поднёс стакан к губам. Она перехватила запястье — мягко, без рывка. Пальцы сомкнулись — годы тренировок, знание анатомии. Кротов замер.

— Вить, — по имени. — Больше не пей. Завтра рано вставать.

— Куда? — опустил стакан.

— Сначала расскажи про груз. Через Тайшет раз в две недели. Маркировка «медицинское оборудование». Охрана без формы. Контейнеры с маркировкой Shenzhen BioTech. Куда идёт?

Кротов посмотрел на её пальцы — она всё ещё держала его руку — потом в глаза. Что-то в её взгляде заставило сдаться. Она отпустила. Он потёр запястье.

— В Вершинный. Посёлок в предгорьях Саян. Формально — метеостанция, на деле — перевалочный пункт. Человек тридцать охраны, может, больше. Я был там раз.

— С завязанными глазами.

— Да. В чёрном фургоне без окон. Но дорогу запомнил по звукам. Железнодорожная ветка, узкоколейка. Состав тормозил — два раза, короткий, длинный. Тупик или разгрузочная платформа. И генераторы. Мощные, дизельные. Гудят так, что земля дрожит.

— Кто старший?

— Чжао. Старый, бритоголовый, в чёрном. Видел мельком — вышел, когда меня вели, посмотрел, кивнул. Но управляет всем его дочь. Лин.

Запнулся.

— Она не человек, — почти шёпотом. — Не про зомби. Она делает с людьми такое, что они перестают быть людьми. Я лечил парня, которого она лично допрашивала. Ни ран, ни царапин. Но он орал так, что у меня до сих пор уши закладывает. У них технологии — импланты, нейростимуляция. Тестируют новое на живых.

— На ком?

— На людях. Привозили бойцов с огнестрелами — такие ранения, я диву давался, как доехали. Спросил: с кем воевали? Переглянулись и сказали: «Лес не любит чужих».

Яна кивнула. Достала рюкзак, положила на колени — внутри снова глухо стукнуло.

— Мне нужно в Вершинный. Проведёшь.

— Ты с ума сошла. — Кротов отшатнулся. — Там охрана, вышки, пулемёты. Они чужаков...

— Ты должен триста двадцать тысяч. — Спокойно. — Никогда не отдашь. Они убьют Катю в любом случае. Не сегодня, так через год.

Сидел, уставившись в столешницу.

— А если откажусь?

— Не откажешься. — Голос жёстче. — Не ради меня. Ра-

ди Кати.

Кротов поднял глаза. В них — болезненное облегчение, как у человека, которому наконец сказали правду.

— А если они её уже? Проверяла?

Пауза.

— Видела фото. Свежее. Две недели назад. Стоит на фоне ёлки, игрушки, улыбается. Зуба не хватает.

Кротов замер. Потом выдохнул — длинно, шумно. Засмеялся — негромко, надрывно.

— Жива, — выдохнул. — Жива, сволочь такая.

— Жива. — Яна. — Но ненадолго.

Замолчал. Кивнул.

— Ладно. Рассказывай план.

Она открыла рот — и в этот момент дверь бара распахнулась от пинка. Металлическая ручка ударила в стену, оставив глубокую вмятину. Звук резкий, как выстрел.

Трое. Короткие стрижки, чёрные куртки без опознавательных знаков. Лица скуластые, глаза узкие, тяжёлые, давящие, веки припухшие — как у людей, которые мало спят и много видят такого, от чего другие просыпаются в холодном поту. Выбриты до синевы.

Двигались бесшумно. У одного на горле татуировка: чёрная драконья голова с открытой пастью. Высокий заметил Кротова первым. Усмехнулся — только губами. Направился к их столику, двое чуть сзади, перекрывая пути к отступлению.

— Доктор Кротов, — сказал высокий. Акцент сильный, но слова правильные. — Господин Чжао передаёт привет. Напоминает: срок выплаты истёк вчера. Проценты за месяц — ещё две тысячи. Теперь триста двадцать две.

Кротова затрясло.

— Мы заняты, — сказала Яна, не поднимая головы. Взяла стакан с водой, отпила.

Высокий перевёл взгляд на неё. Оценил быстро — лицо, руки, негнувшийся мизинец, шрам на запястье. Заметил, что не отводит глаз.

— Девушка, — тоном взрослого, который говорит с нашкодившим ребёнком. — Вам лучше уйти.

— А вам лучше вернуться к господину Чжао и передать, что долг будет выплачен через неделю. Вместе с процентами.

Высокий усмехнулся. Положил руку ей на плечо — тяжёлую, с набухшими суставами, сбитыми костяшками. Собирался сжать, оторвать от пола и швырнуть в стену.

Так он думал.

Потом всё было быстро.

Она не стала вырываться. Левая ладонь легла на его запястье — не сверху, сбоку, перехватывая лучезапястный сустав в той точке, где кости сходятся под углом. Нажала — не резко, с нарастающим усилием, как гидравлические тиски. Он почувствовал боль не сразу — секунду мозг обрабатывал сигнал, потом по руке прошла волна огня.

Яна не стала ждать крика. Всё тело, вся сила, накоплен-

ная в мышцах за годы тренировок, — рванула его руку вниз и наружу, используя его же вес. Треск. Сухой, не громкий. Хрустнула связка. Пальцы разжались, рука повисла плетью.

Высокий вскрикнул — резко, коротко. Попытался отшатнуться, но Яна уже разворачивала его корпус рычагом. Он наклонился, теряя равновесие, и она впечатала его лицом в столешницу. Голова ударилась о край тарелки — солёные огурцы разлетелись, масло капнуло на рубашку, рассол потек по столу.

Второй — с татуировкой на шее — начал выхватывать пистолет.

Яна, не глядя, нашарила на столе бутылку — упавшую, но целую. Схватила за горлышко, размахнулась, обрушила на голову. Удар в висок — стекло брызнуло осколками не сразу, сначала глухой, тошнотворный звук, как от удара молотком по сырому мясу. Водка смешалась с кровью. Боец рухнул без крика. Пистолет выпал, заскользил по полу.

Третий — коренастый, с обрубками пальцев на правой руке — уже достал ствол. Но Яна не дала прицелиться. Шаг вправо, корпус вниз, длинный выпад ногой в колено. Удар под коленную чашечку — правое колено Яны отозвалось острой вспышкой боли, старая травма. Стиснула зубы, не позволила себе замереть. Нога бойца подогнулась, он пошатнулся — и в этот момент она, уже вскочив, ударила локтем в основание черепа. Не насмерть — хватит на полминуты. Он рухнул лицом вперёд.

Высокий, придавленный к столу, попытался встать. Яна ударила коленом в печень — коротко, сухо. Согнулся, захрипел, изо рта потекла слюна с желчью — медленно сполз по ножке стола.

Вся драка — меньше десяти секунд.

Грузчики застыли с открытыми ртами. Командировочные синхронно отодвинулись к стене. Бармен спрятался за стойку.

Яна выпрямилась. Только сейчас заметила — осколок бутылки порезал ладонь. Кровь смешалась с водкой, щипало. Адреналин глушил боль. Подошла к высокому — он лежал на боку, прижимая сломанную руку к груди. Наклонилась, взяла за воротник, приподняла.

— Слушай внимательно, — тихо, почти интимно. — Передай Чжао: я скоро зайду в гости. Передай, что долг Кротова мы обсудим лично. И если тронут его дочь — я вырежу всех, кто в списке. Всех до одного. Сначала ваш клан. Потом семьи сообщников. Потом каждого, кто получал от вас деньги.

Отпустила. Он сполз на пол.

Яна выпрямилась. Стряхнула с рукава осколки. Посмотрела на Кротова.

— Собирайся. Завтра в восемь утра поезд на Тайшет. Будешь на вокзале.

— Я... — Кротов сглотнул. — Не могу бросить Катю. Если узнают, что я с тобой...

— Узнают в любом случае. — Яна смотрела в глаза, не мигая. — Разница — теперь ты можешь сделать так, чтобы им было не до твоей дочери.

Повернулась к выходу, перешагнула через тело третьего — тот начинал шевелиться. На пороге остановилась.

— Кстати. Твоя дочь уже не в интернате. Проверила. Три-ада перевезла её две недели назад в частный пансионат на окраине Иркутска. Сказали — «усиленная охрана». По факту — заложница. — Помолчала. — Хочешь жить — иди со мной. Хочешь умереть — оставайся здесь.

Вышла.

На улице ветер не утих. Термометр у вокзала показывал минус тридцать два, но из-за ветра казалось, что под пятьдесят. Снег бил в лицо, фонари раскачивались. Яна натянула капюшон, затянула шнурки. Пальцы не слушались — даже через перчатки. Подышала на них, затянула узел зубами.

Считать до десяти. Потом боль уйдёт.

Но боль не уходила. Никогда не уходила — просто она научилась жить с ней, как с тем шрамом.

В стекле бара увидела — бармен трясущимися пальцами набирает номер. Не в полицию — слишком испуган, слишком быстро. Скорее всего, своему хозяину. Тому, кто платит. Яна не видела цифр, но догадалась — китаец. Здесь все дороги ведут к Чжао.

Пусть звонит. Пусть предупреждает.

Она хотела, чтобы её ждали.

Не оглядываясь. Только вперёд, в метель.

Адреналин схлынул — руки затряслись мелко, противно. Сунула их в карманы бушлата, сжала в кулаки — суставы хрустнули. Ничего. Пройдёт. Всегда проходит.

Она шагнула в снег — метель сомкнулась за ней, как дверь.

Глава 2. Тайшет

Поезд «Владивосток — Москва» тащился по заснеженным путям, отставая на четыре часа. Где-то за Братском сошёл с рельсов порожняк — состав простоял в чистом поле под завывание метели. Яна сидела у окна, лбом к холодному стеклу. Рядом Кротов. Не спал, молчал, смотрел на убегающую тайгу. Иногда пальцы начинали дрожать — он прятал руки под мышки, сжимал кулаки.

— Что ты там делала три года? — спросил внезапно. Голос хриплый, с металлическими нотками. — Пока сидела.

Яна не ответила сразу. Смотрела, как снег бьётся в стекло.

— Есть такой колледж в Шаолине. Не для туристов. Настоящий. Туда попадают сироты, которых никто не ищет.

— Тебя продали?

— Отдали. Я слишком мала, чтобы помнить. Просто однажды привезли в горы, поставили в стойку и сказали: «Стой». Стояла четыре часа. Колени дрожали, спина ныла. Не упала. Похвалили: «Хорошо. Завтра — шесть часов».

— Стояла?

— Десять лет. — Помолчала. — Потом бои. Макао, под-

польные турниры в бетонных ангарах. Пятнадцать боёв, ни одного проигрыша. Хозяин сказал: до тридцати драться, потом в его притон.

— Как сбежала?

— Через тайгу. Две недели пешком. Без еды, без карты, с одним ножом. — Усмехнулась. — Медведь не тронул. А выживу ли в этой стране — хрен его знает.

Кротов слушал, не перебивая.

— А полиция? Как туда?

— Академия, ускоренный выпуск. — Усмехнулась. — У них не было денег на психолога, который заметил бы, что я не умею бояться.

— И не боишься?

— Боюсь. Но не когда надо действовать. Страх — потом. Ночью. — Помолчала. — Саша Ковалёв — единственный, кто сидел со мной по ночам, когда страх приходил. Просто ставил чайник и молчал. Хватало.

— А теперь он... где?

— В Вершинном. Или то, что от него осталось.

Кротов замолчал. Достал телефон, посмотрел на экран. Пальцы бегали по клавишам, но вызов не нажал.

— Думаешь, жив?

— Должен. — Яна повернулась к нему. — Иначе всё это не имеет смысла.

В купе зашла проводница с подносом, полным чая в гра-
нёных стаканах.

— Горячий, с сахаром. — Поставила на столик. — Деньги потом.

Кротов взял стакан, отхлебнул, поморщился.

— Жидкий.

— Зато горячий, — сказала Яна, беря свой.

Сняла крышку, положила три куса сахара, размешала.

Кротов посмотрел удивлённо:

— Ты всегда так?

— Только когда пью с Сашей.

— А сейчас его нет.

— Знаю. — Отхлебнула. — Привычка.

Поезд замедлил ход. За окном — редкие огни, потом чаще. Тайшет.

— Приехали, — сказал Кротов.

Вокзал Тайшета — типовое здание пятидесятых, облупившаяся штукатурка, колонны в трещинах. Ветер гнал по-зёмку по бетону. Пахло углём, мазутом, дешёвой едой из буфета.

— Уверен, что Гриша поможет?

— Насколько можно быть уверенным в человеке, который продаёт пропуска за пятьдесят тысяч. — Кротов кутался в воротник. — У него рыльце в пушку. Запахнет жареным — смоемся.

— А Демьяныч?

— Знает тайгу. И злой как чёрт. Три года назад напарника застрелили лесники — свои же, за незаконный промысел. С тех пор никому не доверяет.

— Но тебе?

— Доверял. Пока я не начал пить. — Кротов повернулся. — Демьяныч не знает про триаду. Думает, я всё ещё в скорой. Если узнает...

— Не узнает. Пока.

Вышли на площадь. Бетонные плиты, наледь, редкие фонари, лужи жидкого снега. У обочины — УАЗ-«буханка» цвета хаки, потёки масла на капоте, лобовое стекло треснутое, заклеено изолентой крест-накрест. Двигатель работает на холостых, из выхлопной — сизый дым.

За рулём мужик коренастый, в вязаной ушанке и старом ватнике. Лицо рябое, в мелких шрамах. На пальцах наколки — звёзды на суставах, «сидел». Курит «Беломор» без фильтра, дым — в оттаявшее пятно на стекле.

Кротов кивнул, открыл дверцу — заскрипела, заложило уши.

— Гриша. — Кивок на Яну. — Моя напарница.

Гриша глянул в зеркало — долго, оценивающе, как на лошадь перед покупкой.

— Мелкая. — Хмыкнул. — И страшная. — Помолчал. — Ладно, поехали.

— Я не дрейфлю, — ответила Яна. — Я всегда настороже.

Гриша усмехнулся, выбросил бычок.

Грузовой терминал — километр через пустыри, заваленные шпалами и ржавыми цистернами, вросшими в землю. Снег буграми, кое-где следы гусеничной техники — глубокие, затянутые настом. Яна смотрела по сторонам, запоминая. Выезд на объездную слева. Бетонный блок справа — за ним просека и старая ЛЭП с обвисшими проводами. Если уходить пешком — туда, в лес, за ЛЭП.

Гриша остановил УАЗ за триста метров до шлагбаума. Выключил двигатель, повернулся.

— Пропуска в бардачке. СЭС. Твоя фамилия — Морозова. Он — санитарный врач Кротов. Приказ о внеплановой проверке. — Усмехнулся, обнажив золотые и чёрные коронки. — Начальник смены — мой бывший кореш. Ему половину вчера перевёл, остальное — после.

Кротов молча достал из внутреннего кармана засаленную пачку, отсчитал половину — последнее, что осталось от продажи машины. Гриша сунул деньги во внутренний карман ватника, не считая.

— Сколько?

— Пятьдесят тысяч. Кротов должен будет. — Гриша посмотрел на Кротова, тот кивнул, не поднимая глаз. — Ты и так мне должен, Витёк. Перебьёшься.

— План отхода?

— Жду здесь. — Кивнул в сторону пустыря. — Через час

не выйдете — уезжаю. У меня семья. Не вернусь — они без кормильца.

— Понимаю, — сказала Яна.

Выходя, ветер ударил в лицо — сотни мелких игл. Снег забился под воротник, за шиворот, таял и тут же леденел. Минус тридцать семь, а с ветром — все пятьдесят. Кротов вылез следом, натянул шапку по брови.

— Держитесь ближе. Ничего не говорите, если не спросят. Отвечаю я. И не смотрите по сторонам, как туристы. Будто вы здесь сто раз были.

Пошла к шлагбауму. Снег скрипит — звук за сто метров слышно.

Первый пост. Будка с облупившейся краской, обитая ржавым железом. Внутри охранник в камуфляже без погон — ЧВКшник: выдают посадка головы, стойка. Сигарета в зубах тлеет.

Яна сунула пропуска в окошко.

— Морозова, областное управление Роспотребнадзора. Внеплановая проверка.

Охранник долго изучал бумаги. Переворачивал, на просвет, печать щупал. Потом посмотрел на Кротова, на Яну. Взгляд настороженный.

— Одну минуту.

Взял трубку. Короткие фразы. Ждал. Снова говорил. По-

том устоялся в монитор — что-то сверял. Три минуты, не меньше. Яна не шевелилась. Кротов переминался — она наступила ему на ногу. Замер.

Охранник поднял голову.

— Проходите. Седьмой ангар. Встретят.

Шлагбаум поднялся с противным скрипом. Яна прошла, спиной чувствуя взгляд — тяжёлый, изучающий. Кротов сменил следом.

Терминал гудел. Погрузчики между контейнерами, прожекторы горят — оранжевый свет смешивается с белой мглой. Пахнет дизелем, окалиной и чем-то сладковатым — утеплитель или масло. Рабочие в оранжевых жилетах курят на ходу, согнувшись, прикрывая огоньки ладонями. На двух гражданских никто не смотрит — чужие здесь привычны.

Седьмой ангар — длинное бетонное здание с красной крышей, вентиляционные трубы. Ворота открыты, внутри тускло, синие лампы. У входа двое — чёрные куртки без знаков, рации на поясах. Те же лица, что в баре Новосибирска: скуластые, узкоглазые, выбриты до синевы. У того, что повыше, правая рука с обрубками пальцев — мизинец и безымянный по вторую фалангу.

Яна замедлила шаг. Не за подвиги. Карточные долги. Или кража — за воровство рубят. Запомнила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.